

Н. М. ЛИКИН

Памяти В. О. Ключевского

Преподавание принадлежит к разряду деятельностей, силу которых чувствуют только те... кто непосредственно испытывает на себе их действие; стороннему трудно растолковать и дать почувствовать впечатление от урока учителя или от лекции профессора. В преподавательстве много... что трудно передать и еще труднее воспроизвести.

*В. О. Ключевский
о проф. историке С. М. Соловьеве*

Умер профессор, знаменитый историк, Василий Осипович Ключевский. Все, кто был в Московском университете и прослушал хоть одну лекцию по русской истории Ключевского, — те никогда не забудут ни лекций, ни профессора.

Аудитории В. О. всегда были полны, как в старых, не отличавшихся размером, так и нынешних, вновь отстроенных громадных помещений.

Тайна силы, тянувшей весь университет в эти аудитории на лекции по русской истории, находилась в руках Василия Осиповича.

Еще не видел и не слышав профессора, студенты уже находились под обаянием этой силы. Впечатление же от лекции всегда было громадно. Пусть послужит иллюстрацией этому приводимый здесь рассказ о первой прослушанной автором лекции Ключевского в 1903 году. Он записан по первым впечатлениям тогда же и приводится почти без изменений.

27 сентября (1903 г.) я немного ранее поехал в университет — была суббота, день лекции Ключевского, — и направился прямо в Новое здание, чтобы узнать, где будет читать В. О. Ключевский.

В это время появился он сам и стал раздеваться. «Здесь, стало быть», — промелькнуло у меня. Я скоро разделся и побежал наверх в Большую Словесную занять место. Там уже было много народу, но были еще свободные места.

Для большей уверенности, я сбежал снова вниз, чтобы не упустить профессора, как это было в прошлый раз, когда половина студентов не могла попасть на лекцию, не зная, где ее читают.

В это время Ключевский стоял уже около своего пальто и ему кто-то говорил, что наш субинспектор находит аудиторию Старого здания* более удобной для чтения, и поэтому профессор намеревался пойти туда.

Я снова взобрался наверх, захватил свою тетрадь и мигом очутился внизу, оделся и как мог скорей отправился в Старое здание. И там народу было уже не мало; студенты, кроме того, непрерывно подходили. Я все-таки успел занять свое место и выйти из аудитории полюбопытствовать, что делается вне ее. Студенты все шли; субинспектор вздумал было не пускать нефилологов**. Но пока останавливал одних, у других осматривал выданные им права на посещение лекций, многие из посторонних зашли в аудиторию; другие толпами теснились в узких дверях и проходах. Суб был оттеснен***, и наша не отличавшаяся своими размерами аудитория была битком набита. Трудно было протиснуться к своему месту или даже пройти к кафедре. Субинспектор явился было, расчищая дорогу профессору, но тот, сделав два, три шага, сказал, что надо найти другую аудиторию, и вышел. Все хлынули за ним.

В узких дверях аудитории и в двух-трех таких же между проходными залами поднялась страшная теснота: все спешили одеться.

Но в самых последних дверях, у выхода, произошла снова остановка; мы все стояли одевшись, многие одевались, другие подходили, чтобы одеться. Поднялся шум, возгласы: «Что мешает идти?» Предлагали сломать двери, чтобы не задерживала она выхода. Но ничто не помогало; приходилось ждать. Слышались негодующие крики по поводу обмана, которым хотят не допустить попасть вовремя на лекцию. «Неужели нужно подчиняться каким-то глупым правилам инспекции!» — раздавалось в разных местах. Наконец обе половинки двери были отворены; выходить стало свободнее.

* Гораздо меньшую первой, отличавшейся вообще своей вместительностью.

** В это время и в ближайшие за ним годы помещение аудитории было не свободно; тем большего труда стоило попасть на лекцию Ключевского. Но все шли, не считаясь с трудностями, лишь бы послушать Василия Осиповича.

*** Впоследствии, как правило, для просмотра студентов стягивалась вся низшая администрация почти всех факультетов и выстраивалась на лестницах.

На дворе пришлось снова остановиться, так как решительно не знали, куда идти. Ключевский же, как передавали, пошел в университетскую канцелярию справиться, где ему читать.

Вся эта толпа ждала на дворе под крупным дождем минут 10–15. Многие были в одних тужурках. Наконец узнали, что Ключевский будет читать в Новом здании, в Большой Словесной, где намеревался раньше.

Почти целый час прошел в поисках.

Когда я пробрался снова в эту аудиторию, то все уже места были заняты; пришлось придвинуть к стене парту и сесть на нее.

Все свободные проходы, подоконники — все было сплошь занято, окно было растворено, так как при плохой вентиляции не было воздуха*.

Скоре появился В. О. Ключевский. Аплодисменты и возгласы приветствовали его путь к кафедре.

Профессор, взойдя на кафедру, шутливо-досадливо отмахивался руками около своего лица, приглашая тем замолкнуть. Приветствие кончилось, раздались призывы к тишине и послышался едва слышный сначала и все более и более внятный, по мере (очень быстрой) успокоения, голос профессора.

... «Господа, я тронут знаками вашего внимания... благодарю вас; но они отнимают у нас несколько минут нашего времени. Если можно, не проявляйте так долго... а еще лучше, если совсем их оставите». И тут, упомянув о прошлой лекции, на которой я не был, кажется, пересказав ее вкратце вновь, В. О. приступил к настоящей, и мы все отдались вниманию.

Лишь изредка поднимался дружный, негромкий возглас одобрения или волной пробежит смех при неожиданном сопоставлении двух контрастов или метком слове профессора.

Пробил звонок; никто не думал об этом и вряд ли кто не забыл его моментально. Лекция продолжалась; все слушали, все не прерывали внимания. Немного ранее второго звонка** профессор закончил свою лекцию, заявив, что «о причинах, почему у нас самозванцы имели такую силу и успех» он скажет в следующую субботу.

Студенты расступились, и В. О. Ключевский вышел из душной, жаркой, переполненной, аплодирующей аудитории.

* К зиме были временно устроены особые вытягиватели по потолку аудитории.

** Промежуток между лекциями 20 минут; второй звонок возвещает о лекции следующего по расписанию предмета.

Трудно было попасть на лекции Ключевского, но зато и дорожили же все каждым его словом. Да как было и не слушать слов Василия Осиповича, которых никто лучше его и не мог говорить. Свои лекции он называл просто «чтением», и он действительно читал по своим же лекциям; поправлялся даже и перечитывал отдельные слова и выражения, если ошибался или не так произносил: ни одного слова он не считал возможным в своих чтениях переставить... Но как читал! Говорят, что и обаяние Грановского заключалось в его слове. И на лекцию Ключевского забирались с 9 ч. утра, прослушивали даже богословию*, лишь бы оставить за собой место на лекцию Ключевского, и В. О. на себе оправдывал всегда, как велика сила «от слова или лекции профессора» на тех, «кто непосредственно испытывает их на себе действие», как много в преподавательстве, что «трудно передать и еще труднее воспроизвести»...

14 мая 1911 г.

* Обыкновенно мало посещаемый предмет, но читавшийся в Большой Словесной.